

законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь имеет разную характеристику. Формулировка, содержащаяся в УК Республики Беларусь, является более рациональной, так как она допускает использование необходимой обороны от более широкого круга общественно опасных деяний (хотя этого не исключает и формулировка в УК Российской Федерации). Но следует также учитывать, что, хотя в УК Республики Беларусь «общественно опасное посягательство» не раскрывается в уголовном законодательстве, доктрина уголовного права чаще всего рассматривает под этим понятием насильственные действия в отношении обороняющегося, что значительно ограничивает возможность деятельности лица, в отношении которого совершается посягательство. Кроме этого, в науке уголовного права не всегда однозначно решаются вопросы о возможности необходимой обороны от некоторых групп общественно опасных посягательств. Это порождает большое количество ошибок в правоприменительной практике и требует законодательного разрешения.

Литература

1. Долгая, М. В. Об условиях правомерности необходимой обороны, относящихся к посягательству в уголовном законодательстве Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан / М. В. Долгая // Современная наука: проблемы, идеи, инновации. – 2020. – № 12. – С. 96–104.
2. Храмов, С. М. Законодательные основы и практика реализации права граждан на необходимую оборону / С. М. Храмов // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2017. – № 2. – С. 7–14.

Новое в понимании творчества и режима использования произведений в свете проблемы искусственного интеллекта

*Газданова А. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Леанович Е. Б., канд. юрид. наук, доц.*

В связи с интенсификацией научно-технического прогресса и повышением доступности новых технологий искусственный интеллект (ИИ) начинает играть все более значительную роль в повседневной и профессиональной жизни человека. Однако на сегодняшний день в большинстве стран мира произведениям, созданным ИИ, не предоставляется авторско-правовая охрана, а вопрос правового режима результатов интеллектуальной деятельности (РИД) ИИ и применения к ним существующих критериев творческой деятельности является дискуссионным. Таким образом, в доктрине и правовом регулировании предоставления охраны РИД ИИ образуется правовая неопределенность.

Несмотря на отсутствие единого определения, в качестве ИИ обычно рассматриваются наука и технология создания интеллектуальных машин, аппаратных средств и систем, способных выполнять задачи, которые обычно принято связывать с работой человеческого разума [1]. Так, при создании произведений ИИ непрерывно обучается и совершенствует свою работу в процессе решения задач, а не является простым инструментом, используемым человеком в ходе творческого процесса.

Несмотря на то, что ИИ был создан для выполнения творческих функций, которые традиционно считаются прерогативой человека, правовой режим его РИД является неопределенным. Ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» определяет автора как физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение [2]. При этом, как известно, авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом именно творческой деятельности. Фактически, белорусское законодательство, подобно законодательству большинства других стран, уже на первоначальном этапе ограничивает охраноспособность РИД ИИ, связывая понятие «автор» с творческой деятельностью человека.

Вопрос правового режима и режима использования РИД ИИ стал одной из причин возобновления в науке дискуссии о том, как понимаются творчество и оригинальность в авторском праве. Сдвиг в понимании творчества произошел в Средневековье – теперь искусство воспринималось именно как личностное творчество, т.е. было неразрывно связано с человеком и его духом [3].

Подход современной философской литературы в отношении определения творчества с применением объективных и субъективных критериев был воспринят и доктриной авторского права. Так, исходя из российской правоприменительной практики, Верховный суд Российской Федерации придерживается объективного критерия оценки творческого характера произведения [4]. Великобритания, в свою очередь, отвергла доктрину «*sweat of the brow*» в пользу субъективного подхода, приоритезирующего оригинальность произведения, еще в марте 2012 г. в деле *Football DataCo* [5].

Для рассмотрения применения судами и бюро авторского права критерия творческой деятельности необходимо обратиться к существующей практике. Прорыв в отношении правовой охраны РИД ИИ в августе 2021 г. совершила Индия, когда Индийское бюро по авторским правам признало ИИ «*Raghav*» соавтором картины вместе с человеком [5]. Тем не менее, полагаем, что отказ бюро зарегистрировать ИИ в качестве единственного автора картины еще раз подчеркивает насущность существующей проблемы определения творческой деятельности как деятельности, осуществляемой именно человеком.

В данной связи представляется интересным рассмотрение судебной практики по данному вопросу в Китае, представленной двумя противоречивыми

решениями, вынесенными в 2019 г. в отношении защиты авторских прав на произведения, созданные с помощью ИИ. В деле *Feilin v. Baidu* Пекинский интернет-суд отказал компании *Feilin* в охране произведения, созданного ИИ, тогда как Народный суд Шэньчжэньского района Наньшань предоставил авторско-правовую защиту статье, созданной с помощью ИИ в деле *Tencent v. Shanghai Yingxun Technology Company*.

В деле известного китайского холдинга *Tencent* против онлайн-платформы *Shanghai Yingxun Technology Company* охрана была предоставлена, т.к. написание отчета ИИ «*Dreamwriter*» произошло под контролем креативной команды компании, что суд использовал в качестве обоснования соблюдения субъективного критерия оригинальности. В деле *Feilin v. Baidu* суд вывел условия предоставления правовой защиты РИД ИИ: РИД должен 1) обладать некоторой степенью оригинальности, 2) быть создан человеком. Отказав в правовой защите вследствие неисполнения второго условия, суд, однако, пришел к выводу, что отчет обладал достаточной оригинальностью, не обращаясь к субъективному критерию творчества [6].

Таким образом, несмотря на то, что Пекинский интернет-суд все же отказал *Feilin* в предоставлении охраны РИД ИИ, это решение является более благоприятным для дальнейшего развития нового понимания творчества в реалиях цифрового мира.

Главной характеристикой современного понимания творчества представляется уход от его исторической «антропоцентричности» и применение более объективного критерия для оценки новизны и оригинальности РИД. Действующее право интеллектуальной собственности в большинстве стран не может предоставить авторско-правовую защиту РИД ИИ в условиях возрастающей автономности и независимости творческого процесса машины. Одним из путей решения проблемы может быть пересмотр понятия и критериев творческой деятельности и оригинальности в праве интеллектуальной собственности.

Литература

1. Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/about-ip/ru/artificial_intelligence/. – Дата доступа: 29.04.2022.
2. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З : с изм. и доп. от 15 июля 2019 г. № 216-З // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Эволюция взглядов на сущность творчества в истории западной культуры [Электронный ресурс] / И. С. Зинченко. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-suschnost-tvorchestva-v-istorii-zapadnoy-kultury>. – Дата доступа: 29.04.2022.

4. «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 23 апр. 2019 г. № 10 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/. – Дата доступа: 29.04.2022.

5. Judgment of the Court (Third Chamber), 1 March 2012 Football Dataco Ltd and Others v Yahoo! UK Ltd and Others [Electronic resource]. – Mode of access: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?&num=C-604/10>. – Date of access: 29.04.2022.

6. Artificial Intelligence Cases in China: Feilin v. Baidu and Tencent Shenzhen v. Shanghai Yingxin [Electronic resource] : China & WTO Review. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/b61c/cb98fd748b7ee654895ee133d5363e4d8556.pdf>. – Date of access: 29.04.2022.

Закон, наиболее благоприятный для сторон в регулировании семейных отношений с участием детей

*Голенчук А. В., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Хаткевич Е. П., канд. юрид. наук, доц.*

Тенденция развития типов коллизионных привязок в брачно-семейной области связана с укреплением позиций гибких формул прикрепления, т.е. привязок, не указывающих на применимое право, а отдающих вопрос выбора компетентного правопорядка на усмотрение суда, исходя из фактических обстоятельств конкретного дела.

Идея американских коллизионистов о применении права государства, которое является наиболее благоприятным для сторон, стала рассматриваться как формирование принципа наиболее благоприятного права. Смысл данного принципа состоит в том, что при рассмотрении частноправового отношения международного характера суд должен руководствоваться не столько коллизионными принципами, в основе которых заложены детерминированные, «статические» привязки, сколько требованием разумного, объективного результата [1, с. 111]. Несмотря на то, что «благоприятное право» для истца и ответчика может быть различным, а суду или иному правоприменителю необходимо самостоятельно решить, в пользу какой стороны оценить «благоприятность» правовой системы – уже на сегодняшний день указанный принцип юридически закреплен в некоторых государствах.

Так, положение о применении наиболее благоприятного права было включено в закон о международном частном праве Австрии 1978 г. Согласно § 22 закона условия узаконения внебрачного ребенка путем последующего брака определяются личным законом родителей, а при отличающихся